

Куда течет Оресса?

Вспоминаем яркие страницы
первых пятилеток

Здесь и легендарные полесские болота, и наши поэты, и Красная армия, и мелиорация, и трактора, и героическая история страны. Коммуна... не парижская, а любанская, воспитанная Янкой Купалой в его поэме «Над ракою Арэсай». Ныне центр Коммунарского сельсовета, до войны большая, крепкая деревня, которую населяло около двух тысяч жителей. Сейчас, как утверждает заместитель директора ОАО «БВО» Михаил Дудик, здесь проживает около 600 человек.

— Э то еще не Полесье? – спрашиваю тут же по приезде.

– Почему? Именно здесь начинается Полесская низменность, – улыбается Дудик.

С точки зрения географии, так оно и есть. Но у краеведов свои резоны.

– Мы на пограничье, – уточняет библиограф Любанской районной библиотеки Ирина Гиль. – Мы как бы и Полесье, и центральный регион. У нас особенная культура.

Толчком для командировки на Любанщину стал звонок от минской приятельницы Татьяны Эрдман:

Первый канал, прорытый коммунарами,
до сих пор служит людям, осушая поля ОАО «БВО»

– Мой дед Эммануил Натанович Модин был организатором и первым председателем той самой коммуны, о которой писал Янка Купала.

Но интервью не получилось.

– У меня нет того объема знаний, который был бы интересен. Лишь обрывки, услышанные в детстве. Когда дед умер, я училась в третьем классе, – с сожалением произнесла Татьяна.

«Мы как бы и Полесье, и центральный регион. У нас особенная культура».

Но эта история сама по себе распалая журналистское воображение, а Модин с товарищами виделись титаническими фигурами из купаловской поэмы:

Вясной з'явілася іх сем
Свет новы будаваць,
А восенню прыйшло яшчэ
Іх семдзсят і пяць.

Так в 1929 году возникла коммуна имени Белорусского военного округа, сокращенно БВО. Это название местное хозяйство носит и теперь, несмотря на все реорганизации. Не терять же в самом деле нажитую славу и орден Ленина (колхоз «БВО» удостоился его в 1940 году).

«Між топкіх багнішчаў»

До мелиорации болота занимали около 14 % территории современной Беларуси, это около 2940 тыс. гектаров. По подсчетам экологов, сегодня их осталось 869 тыс. гектаров.

Да, меньше стало простора для болотных прогулок европейских туристов. Зато широкой грудью вздохнуло наше Полесье, веками выживавшее на песчаных лесных островах среди низовых непроходимых болот.

– Урочище Забервечье, а дальше болото зеленое, – рассказывает Лидия Сулим, директор музея мелиорации в д. Коммуна, первая в любанском районе женщина-тракторист. – Летом на челнах, зимой, когда замерзнет, – на санях. Иначе никак.

Эммануил
Натанович Модин.
1960-е годы

С большим трудом крестьяне добирались до местечка, чтобы затариться солью, керосином, спичками. О сахаре речь не шла – слишком дорогое удовольствие.

Какая уж тут культура, школы, дороги? Вечный недостаток хлеба, плохое питание, слабое здоровье.

«Заболочение Полесья не только отнимает огромные пространства земель, по климатическим условиям способных к высокой производительности, но также весьма губительно влияет на физические силы населения, получившего печальную известность своим слабосилием и колтуном», – бил тревогу в 1897 году русский писатель Константин Случевский.

Впрочем, он с этим запоздал. Еще в 1872 году императорская комиссия пришла к заключению, что «осушение болот крайне необходимо в Петербургской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Минской и Волынской губерниях».

Так родился беспрецедентный мелиоративный проект, охватывавший территорию около девяти миллионов гектаров. За четверть века Западная экспедиция по осушению болот Полесья под руководством генерала инфантерии, видного геодезиста Иосифа Жилинского окультурила более двух с половиной миллионов десятин (2,7 миллиона гектаров)

заболоченных земель, в том числе и нынешнего Любанского района.

С 1883 года проводились опыты по выращиванию культур с использованием завозного минерального грунта, чтобы «на деле показать полесскому крестьянину способы и приемы разработки болот под пашню и огороды, хорошим примером вызвать у него охоту к перениманию».

Оздоровился климат. Уменьшилась заболеваемость малярией и туберкулезом. Практически исчез пресловутый колтун, который нигде, кроме болот Полесья, не встречался и был настоящим бичом здешних мест. Волосы напитывались кровью и гноем, превращаясь в безобразную шапку, которую невозможно было состричь.

Тем не менее осушенные земли за не востребованностью стали быстро приходить в запустение. Местные помещики использовали прорытые каналы для лесосплава, чем захламляли их до невозможности.

«Летом на челнах, зимой, когда замерзнет, – на санях. Иначе никак».

В 1903 году Жилинский пришел к заключению, что «сделанные до этого времени канализационные работы на Полесье можно считать достаточными при нынешних экономических условиях страны». При этом он пророчески предвидел, что «по мере увеличения населения и культуры страны будет являться неизбежной необходимостью расширения сети каналов. Нельзя рассматривать работу целиком завершенной – только положено начало для такого рода работы в будущем».

«Зашумела, загуло»

В 1925 году Наркомзем БССР при поддержке союзного Госплана первоочередной целью назначил осушение Марьинского низового болота в бассейне реки Оресса общей площадью 8644 гектара. Надлежало воскресить Марьинскую осушительную систему, прокопанную еще Жилинским, а также Чабусский и Юровичский каналы.

Для изучения этих объектов прибыла гидротехническая изыскательная партия под руководством

Первый хлеб, выращенный коммунарами. 1930 год

опытнейшего инженера Владимира Гневко. С октября 1926-го за год рабочие Оресского колфонда, используя американские и немецкие бульдозеры и землечерпалки, не только привели эти системы в порядок, но и расчистили семьдесят три километра речного русла, проложили новый тринадцатикилометровый магистральный канал и шесть километров дороги.

К 1927 году на Любанщине насчитывалось пять мелиоративных товариществ: Костюковское, Обчинское, Пекличское, Любанское и Веженское. Так что коммуна имени БВО не была первым мелиорационным объектом.

К примеру, в деревне Обчин работы велись с 1923 года. Гидротехник Гольдберг проложил магистральный и вспомогательный канал, а культтехник Кириченко привез из Любани специальные плуги, посеял овес, устроил овощные грядки и получил на торфяном поле небывалый урожай. Поглядеть на чудо сбежались жители окрестных деревень.

А в Соснах, в совхозе имени 10-летия БССР к началу 1929 года осушили тысячу гектаров болот, половину из которых сразу же пустили в сельскохозяйственный оборот.

Так что неправа была Нинель Дремликова, дочь Модина и тетка Татьяны Эрдман, утверждавшая много лет спустя в видеоинтервью:

Прокладка первых каналов. 1927 год

В 1960-е годы для прокладки мелиоративного канала использовали специальную технику

– Дикий, необжитый край. Кругом болота. Народ совершенно не был готов ни к какой цивилизации, ни к какому новшеству.

Но на месте будущей Коммуны был лишь песчаный лесистый остров – Забервечье или, как его называли коммунары, Заболотье, со всех сторон окруженный зеленым и зыбким Марьинским болотом.

А Забалоццем той бугор
Зваў паляшук здаўна,
Дзе першы раз нагу сваю
Паставіў камунар.

Удивительна в коммуне и сама история ее возникновения, и тот подлинно коммунистический строй жизни, который утвердился и господствовал здесь вплоть до самой войны.

Не будем также забывать, на каком фоне все происходило. НЭП не решил проблему с продовольствием. В 1929 году в городах повсеместно ввели карточки на хлеб, но из-за тотального дефицита отоварить их было непросто. Норма для рабочих высшей категории составляла 800 граммов в сутки, для иждивенцев и служащих – 300. Манную крупу выдавали только больным детям.

На биржах труда числилось до полутора миллионов безработных – не только сельская молодежь, в поисках пропитания ринувшаяся в город,

но и демобилизованные красноармейцы, которым зачастую некуда было возвращаться.

Та же судьба, вероятно, ожидала 23-летнего Эммануила Модина и его сослуживцев по 7-й Самарской имени Английского пролетариата кавалерийской дивизии, квартировавшей в Минске.

Модин – уроженец Уваровичей (ныне городской поселок в Буда-Кошелевском районе), сын бедного торговца. С шестнадцати лет работал на спичечной фабрике в Мозыре, потом на лесопильном заводе «Пролетарий». О сельском хозяйстве никакого понятия не имел. Активист-комсомолец, убежденный ленинец. Не будучи коммунистом (вступил в партию в 1952 году), проводил идейно-политическую работу среди красноармейцев и на фронт в 1941-м ушел политруком.

«Народ совершенно не был готов ни к какой цивилизации, ни к какому новшеству».

– Люди преклонялись перед его умом и талантом, – рассказывает Нинель Дремликова. – Он был финансистом, экономистом, историком, политиком. Может быть, только высшую математику не знал. Недаром за достижения в сельском хозяйстве его в 1968 году удостоили звания Героя Социалистического Труда.

В 1929-м он был еще очень молод, но сила провидения и убеждения в нем жила огромная.

– Я был в третьем эскадроне политруководом, – вспоминал он в интервью много лет спустя. – И вот, когда разбирали ленинский план кооперации, предложил после демобилизации организовать коммуны. Это поддержали часть рядовых товарищей нашего взвода, потом и эскадрона. Это получило поддержку командования. Товарищ Жуков (будущий маршал Георгий Константинович Жуков, в ту пору командующий 2-й бригадой 7-й Самарской кавалерийской дивизии. – *Авт.*) просил агитировать его солдат на участие в этой коммуне.

В штабе Белорусского военного округа удовлетворенно потирали руки. Как раз в это время Реввоенсовет поднял вопрос о создании красноармейских колхозов в Азово-Черноморском крае, в Винницкой и Калининской областях, а также в БССР. Действительно, что может быть лучше для безопасности страны, чем плотная сеть красноармейских коммун вдоль границы с Польшей?!

«Тягали туда бревна, камни, землю в мешках, чтобы можно было добраться до острова».

В коммуну сразу же записалось около 400 человек. Председателем единогласно выбрали Модина. Бойцов досрочно демобилизовали, снабдив палатками, поломанными телегами и четырьмя парами списанных лошадей, и направили в распоряжение наркома земледелия БССР Дмитрия Прищепова, который самолично выделил под будущую коммуну 560 гектаров Марьинского болота. Из четырехсот человек до Забервечья добралось семеро.

– Мне дали семь человек, мы поехали, – скупое свидетельствовал Модин.

– Первую палатку они поставили на месте теперешней заправки, – рассказывает Лидия Сулим. – Были и землянки, и скромные домики.

Михаил Дудик показал нам первый канал, прорытый коммунарами, и насыпь, где проложили узкоколейку, и первую плотину.

Заместитель директора ОАО «БВО» Михаил Дудик: трудовой подвиг коммунаров не был напрасным

– Тягали туда бревна, камни, землю в мешках, чтобы можно было добраться до острова, – уточняет Лидия Сулим.

– Марьинское болото представляло собой извечную целину, – вспоминал Модин. – На осень мы приготовили четыреста гектаров, засеяли озимой рожью. Из этих четырехсот гектаров остался кусочек, с которого осенью мы взяли один сноп. Все остальное под водой погибло полностью. Полностью! Но мы не унывали. Настроение до того было боевым, хорошим, что мы продолжали усиленно работать и победили.

– Как осушали болота? – переспрашивает Лидия Сулим. – Стояли по пояс в воде и закладывали канал мешками с землей, чтобы вода не поднималась и чтобы тот, кто находился на метр выше, мог работать. И так в три этапа.

Трудились тут, в отличие от Оресского колфонда, без всякой механизации и очень тяжело.

– Работали от зари до зари, – признавался Модин.

Лидия Сулим демонстрирует деревянную лопату с металлическими вставками по бокам, чудо «механизации» тех первых месяцев и лет, когда коммунаров не было ни тракторов, ни бульдозеров, ни автомобилей, ни землечерпалок:

– Прокоп Адериша из первой семерки, приехавшей покорять Марьинское болото, такой штуковинной выкапывал в день до ста кубов земли.

«Людзі там працуюць дружна»

Осенью 1929 года коммунарского полку прибыло. К самарцам присоединились красноармейцы из 6-й Чонгарской Красной кавалерийской дивизии. Руководил мелиоративными работами уже упоминавшийся Владимир Гневко.

Был среди новоприбывших лихой кавалерист Тимофей Анисимов, который возглавил коммуну, когда Модина направили в Гомельскую область поднимать отстающие колхозы.

– Жили сначала в палатках красноармейских, потому что не было где, – рассказывает дочь Анисимова Лидия Корбут, которую мы навестили в ее доме в райцентре. – Приехали из Любани из комсомольской организации девушки-комсомолки, которые остались там работать. Среди них была и моя мама Зинаида Андреевна Галай. Она встретила там с отцом, а потом они и поженились.

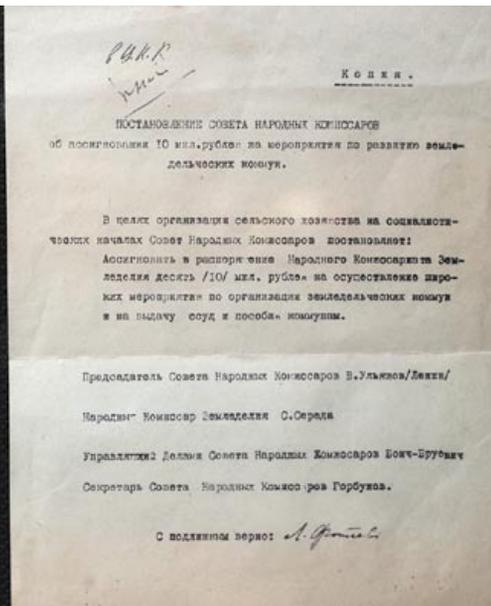
Лидии Трофимовне 87 лет, но говорит как по писаному, а в руках крепко сжимает альбом с фронтовыми письмами отца:

– Особенно трогательны строки, посвященные лучшему другу – лошади. Много раз она помогала ему форсировать реки, невредимым прорываться из-под вражеского огня.

В музее мелиорации Любанского ПМС, которым руководит Лидия Сулим, хранится рабочий инструмент знаменитого коммунара Прокопа Адерики

Тимофей Дмитриевич с боями дошел до Чехословакии, был несколько раз контужен, удостоен боевых орденов. В 1946 году, вернувшись с фронта, был назначен вторым секретарем Любанского райкома партии, а спустя одиннадцать лет возглавил район.

Трофим Анисимов, председатель колхоза имени БВО, с заслуженной наградой – велосипедом. 1940 год

– Его выдвигали на звание Героя Социалистического Труда, но он отказался в пользу председателя колхоза «Чырвоная змена» Кузьмы Шаплыко, а ему, мол, достаточно ордена Ленина, – продолжает свой рассказ Лидия Тимофеевна.

О жизни коммунаров сохранилось множество легенд. К примеру, о том, как Модин отправил красноармейцев в отпуск и повелел вернуться с невестами, но в итоге на 365 женихов оказался только один приличный костюм, который надевали по очереди, а вместо свадебного обряда ездили в бричке по кругу.

Коммунары одновременно занимались корчеванием, осушением, полевыми работами, строительством поселка, железной дороги и электростанции. Жили весело, радостно, несмотря на невзгоды.

– Помню, на песчаном бугорке стояла красноармейская палатка, – вспоминал Модин. – Потом построили барак, похожий на сарай. Крыша дырявая, как решето.

При первом же дожде барак затопило. Что делать? Модин затянул песню, ее подхватили коммунары, и так с песнями и плясками пережили непогоду.

А история коммунаровской электростанции?

– Мы построили электростанцию и включили свет, – вспоминал Модин. – Окружающее население из деревень прибежало, думая, что Коммуна горит, и вместо этого увидели лампочки Ильича, как тогда говорили. Это всех поразило – такая сила света.

А узкоколейка? Модин, отправившись в Минск с челобитной о выделении хоть какой-нибудь техники, случайно познакомился с немецкими пролетариями и рассказал, как коммунары пашут сохой и осушают болота голыми руками.

Немцы были настолько шокированы услышанным, что по линии Красного Креста прислали трактора с плугами и все необходимое для строительства железной дороги. Приехавший ее монтировать немецкий инженер уже через пару дней бессильно развел руками: невозможно проложить рельсы по болотистой почве. Тогда за дело взялся Прокоп Адериха со своей женской бригадой и за считанные месяцы построил насыпь.

Знает о трудовых подвигах прапрадеда и молодой учитель Анатолий Адериха, заместитель директора по воспитательной работе Коммунаровского учебно-педагогического комплекса детский сад – средняя школа имени Янки Купалы:

– В школе есть музей, там вся информация об узкоколейке и осушении Марьинского болота. К нам приезжают из других школ района, и мы все это рассказываем.

Восьмиклассник той же школы Максим Сущеня – тоже праправнук героя. Генеологию свою парни знают назубок, и это радует.

Среди многочисленных потомков Прокопа Адерихи замечательная оперная певица, ныне покойная народная артистка БССР Ирина Шикунова и поэтесса Лидия Савик.

Узкоколейка прослужила коммунарам долгие годы. По ней перемещались люди, удобрения и урожай, с которым у них был полный порядок. На двух тысячах гектаров, отвоеванных у болота (у чертей болотных, писал в 1949 году в своем очерке «Над ракой Арэсай» Кондрат Крапива) они получали с гектара до 35 центнеров овса, до

Максим Сущеня и Анатолий Адериха – потомки коммунара Прокопа Адерихи

Обработка кок-сагыза. 1952 год

40 центнеров ячменя, до 28 центнеров ржи. Конечно, такие показатели достигались лишь на отдельных участках, но небывалая урожайность удивляла и радовала.

«Асабліва палюбілі беларускі тарфянік італьянскія каноплі, – пишет Кондрат Крапива, – яны раслі такія, якіх самі італьянцы ніколі і ў вочы не бачылі – да 4 метраў увышкі». Конопля в России и СССР являлась одной из основных сельскохозяйственных культур. Из нее вырабатывали пеньку, масло и жмых. Листья этого растения вместе с колосьями пшеницы и соцветиями подсолнуха красуется в центре снопа внутри фонтана «Дружба народов» на ВДНХ.

С середины 1930-х годов к конопле прибавился кок-сагыз. Молодое советское государство наращивало производство автомобилей, для них требовалась резина, и еще в 1920-х ученые ВАСХНИЛ стали искать замену дорогостоящей бразильской гевее. Тогда-то и нашелся в юго-восточном Казахстане горный одуванчик кок-сагыз, который прекрасно прижился в БССР, особенно на болотных полесских почвах. Вплоть до середины 1950-х он был для местных полеводов золотым дном.

– В этот период у нас очень многих колхозников наградили орденами и медалями, – рассказывает Лидия Корбут.

Стремительными темпами развивалось животноводство. Одних только коров на колхозной ферме в предвоенные годы насчитывалось более шестисот. «Калгас меў свой паравы млын, цагельню, лесапилку, электрастанцыю, – писал в очерке Кондрат Крапива. – Калгаснікі жылі не толькі багата, але і культурна: у калгасе была сярэдняя школа, клуб, гукавое кіно, радыёвузел, яслі, радзільны дом».

«В этот период у нас очень многих колхозников наградили орденами и медалями».

Многое из этого создали-построили при Модине. Любопытно, что основатель коммуны ввел на ее территории особые деньги для расчетов в магазине и сухой закон. Здесь функционировали бесплатные общая столовая и прачечная при бане. Так выглядел коммунизм по-коммунаровски.

В начале 1930-х годов коммуна была реорганизована в колхоз имени БВО, но чудеса на этом не закончились.

– В 1940 году наш колхоз стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, – рассказывает Лидия Корбут. – Это было первое хозяйство в республике, удостоенное такой высокой награды за свои успехи: и животноводство,

87-летняя Лидия Корбут из Любани – дочь одного из лидеров коммуны Трофима Анисимова, знает многое о жизни коммунаров по рассказам отца

и урожаи были хорошие – коммуна расцвела. Нас пригласили на ВДНХ и в 1941 году.

Но грянула война. Из 210 домов Коммуны едва-едва уцелели два, остальные немцы сожгли. С огромным трудом хозяйству пришлось возрождаться буквально из пепла, освобождать поля от зарослей и болотной травы.

Но это уже другая, послевоенная история.

А до войны одним из главных событий стал приезд Янки Купалы. В кругах специалистов до сих пор нет согласия, когда именно это произошло. В свое время Кондрат Крапива настаивал, что песняр приезжал в Коммуну и Сосны в 1932 году. Любанские музейщики уверяют, что это случилось в мае 1933-го, за месяц до того, как газета «Звезда» опубликовала знаменитую купаловскую поэму «Над ракою Арэсай». А научный сотрудник Государственного литературного музея Янки Купалы Мария Борткова поведала мне историю от неведомой старушки, которой в те годы было лет десять: «А што, памятаю я Яначку!» По ее словам, тогда случилась очень холодная и голодная зима. Мужское население Коммуны поголовно работало на каналах, а подростки с ружьями охраняли деревню от волков. Якобы Купала тоже вооружился винтовкой и «прышоў і прынёс

на палцы дзве тушы забітых ваўкоў. Так што ён быў зух-хлопец і ў танцы, і ў паэзіі, ува ўсім».

В лесу неподалеку от Коммуны вам непременно покажут купаловский дуб, под которым поэт встречался с коммунарами и устраивал вечера с песнями и танцами.

«Пройдуць у стагоддзі камуна і саўгас»

Девяносто лет спустя Коммуна – центр сельсовета, где есть средняя школа и клуб, библиотека и музей мелиорации. Заместитель директора ОАО «БВО» Михаил Дудик говорит о том, что «теперь мы не вверху и не внизу, мы золотая середина».

Много вреда Полесью, по мнению Дудика, причинили заявления экологов, объявивших мелиорацию ошибкой, и хозяйствам до сих пор приходится это расхлебывать.

– Последние годы осушение и ремонт мелиоративных систем проводились не всегда в тех объемах, в которых хотелось бы, – признал в беседе со мной министр сельского хозяйства и продовольствия Игорь Брыло.

Но ситуация меняется. Это можно проследить по заявлениям Президента. В этом году решено вдвое увеличить объем работ на мелиоративных системах: вместо 27 тыс. гектаров запланировано 54 тысячи.

– Хотим в сжатые сроки, за три-пять лет максимум, привести в порядок мелиоративные системы, – подчеркивает министр.

Вот и в бывшей коммуне три года назад капитально «отремонтировали» полтысячи гектаров торфяников.

– Эти земли начали заболачиваться, – рассказывает Михаил Дудик. – Пришлось заново прокладывать мелиоративные трубки, практически всю мелиорацию делать по новой.

Используются ли земли, осушенные первыми коммунарами, в сельскохозяйственном производстве?

– А как же! – заместитель директора оживляется. – У нас 4800 гектаров пашни, из них 4400 – осушенные болотные торфяники.

Это главное, что хотела услышать: трудовой подвиг коммунаров не был напрасным.

Посевные площади в хозяйстве не расширяют.

– Нам обработать бы ту землю, что получили в наследство от двух хозяйств – СПК «Кузьмичи» и СПК «БВО», – говорит Михаил Дудик.

Проблема с механизаторскими кадрами здесь стоит достаточно остро. На все хозяйство, включая водителей и трактористов, 35 человек.

Население деревни уменьшается. В трехэтажной школе, где училось когда-то до семиста детей, сейчас не более восьмидесяти.

– Молодежь не задерживается. Они хотят сразу все иметь, а не получается. Поэтому уезжают, – констатирует Дудик.

Между тем земледелие на торфяниках требует подлинного искусства.

– Торфяно-болотные почвы нужно пахать болотными плугами. Наша промышленность, в отличие от советских времен, такую технику не выпускает, – сожалеет заместитель директора.

Плюс «неповторимый» полесский болотный климат.

– Метеорологи передают: по большей части территории дожди. А мы живем на меньшей, у нас засуха, – горько шутит Михаил Алексеевич. – Но не дай бог предупредят: местами заморозки, мы в этом месте.

Вот уж действительно зона рискованного земледелия.

На вопрос, что на торфяниках лучше всего растет, Михаил Дудик без малейших колебаний отвечает:

– Многолетние травы, как это было при Советском Союзе. Пропашные культуры вообще не должны у нас расти. Из-за них на торфяниках каждую весну пыльные бури. Во времена СССР у нас в каждом хозяйстве стоял АВМ (агрегат витаминной муки), готовили ее из многолетних трав и поставляли на комбинаты хлебопродуктов.

Травы позволяют развивать животноводство. В Кузьмичах прекрасный молочно-товарный ком-

плекс беспривязного содержания с доильным залом.

Но выращиванию кормовых культур очень мешают насекомые-вредители.

– Зерновые и многолетние травы – одно семейство, их одинаково повреждают проволочники и майские жуки. Пришел к нам с Запада самый страшный вредитель кукурузы – луговой мотылек. В мягкой торфяной почве он прекрасно зимует. Боремся агротехническими средствами, а где и химией травим. Обрабатываем семена.

«Метеорологи передают: по большей части территории дожди. А мы живем на меньшей, у нас засуха».

Кстати, семенами Дудик очень доволен.

– В основном белорусской селекции, лучше и дешевле, чем молдавские. Районированные, всех сроков созревания, обработанные против вредителей. Что-то берем в Мозыре с экспериментальной базы «Криничное», что-то с Ивацевичского калибровочного завода.

В целом же нашим ученым еще много предстоит сделать, чтобы вернуть торфяно-болотным почвам прежнюю славу.

Любопытно, что американские и казахские ученые разрабатывают проект возвращения коксагыза, который в США именуют русским одуванчиком. С отечественных полей он исчез в 1954 году. Но, возможно, его слишком рано списали со счета?

Так или иначе, счастлива была увидеть своими глазами этот легендарный край и новую землю, созданную трудом и героизмом людей. В каком-то смысле она для нас все еще terra incognita, источник непознанных возможностей и будущих побед.

Юлия АНДРЕЕВА

**Фото Виталия ПИВОВАРЧИКА,
из музея мелиорации Любанского
предприятия мелиоративных систем**